

Вера Камша Боги помнят

Стурнийские мозаики – 1

«Герои на все времена»: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-41799-5

Аннотация

Кентавры, титаны, люди сошлись в последней битве за право власти в этой местности. Никто не знает, кто выйдет победителем из данного жесткого противостояния. И лишь боги помнят те времена, когда мир царил на планете...

Вера Камша

Боги помнят

(Стурнийские мозаики — 1)

Автор благодарит за оказанную помощь доцента исторического факультета СПбГУ Игоря Юрьевича Шауба ¹

*Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.
Эдуард Багрицкий*

*Невероятно до смешного: был целый мир — и нет его...
Георгий Иванов*

¹ Автор и его консультант осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, что фавны и кентавры проходят по разным ведомствам, прокуратор — всадническая должность, римское имя должно быть трехкомпонентным, ланг не является оружием легионера et cetera, но где Рим, а где — Стурн и тем более Эпокарийское царство.

Часть первая

I

Эпокария

7777 год от знамения Стурнийского

Мозаичник был худ, как жердь, а двое из троих его приятелей — полнотелы и румяны. От возбуждения и избытка вина. Напряжение третьего — гнедого кентавра — угадывалось по тому, как красновато отблескивала в чуть раскосых человеческих глазах недобрая лошадиная звезда. Кентавра Асон знал, хоть и не слишком близко, его сотрапезников видел первый раз в жизни и, очень на то походило, последний.

— Я не пью перед боем. — Асон решительно прикрыл ладонью достойный царя Эпокарийского кубок. — И вам не советую. Может, сперва вы и станете храбрыми, но потом вы станете мертвыми.

Сонэрг с силой стукнул кованым копытом о мрамор и засмеялся, вернее, заржал. Мозаичник торопливо выпил, сосед Асона справа, кажется, храмовый каллиграф, махнул красивой длиннопалой рукой.

— Осторожность нас спасет, если мы удерем, а удирать некуда. То есть нам некуда... Вот слюдяниц и голубей я выпустил...

— Ты выпустил слюдяниц?! — Разом подобравшийся кентавр принялся разглядывать пол. — Куда?

— В водосборник, — успокоил каллиграф. — Может, выплывут.

— Или вылезут в Нижних храмах, — осклабился Сонэрг, — и поприветствуют икнутских ублюдков. У них это выйдет лучше, чем у вас.

— Я выпью и что-нибудь напишу, — вдруг заявил третий, до того сосредоточенно тарасившийся на сваленное в углу оружие. Оно тоже было бы достойно царя, будь царь достоин его. — Вот напишу, и все! Напоследок... От души и для души. Раз в жизни можно, а, «звездный»? И к горгонам форму! Судить будут не жрецы, а боги. Им вряд ли важны размер и рифмы.

— Богам ничто не важно, — фыркнул кентавр, и Асон вспомнил, как давным-давно выпытывал у старины Сонэрга, на кого ставить. Тот подсказывал с такой же брюзгливой миной. Разумеется, если не дрался сам. — Богам ничто не важно, — назойливо повторил гнедой. — Иначе б они кого-нибудь уже испепелили. Не вас, так икнутов, будь они прокляты, но боги, будь они прокляты тысячу раз, только смотрят!

— Сонэрг, — не очень уверенно попросил каллиграф, — не кошунствуй.

В ответ кентавр хрюкнул и выплеснул в свою кашу едва ли не бочонок красного, даже не подумав смешать его с водой. Случайные сотрапезники, бронзовые и мраморные изваяния, накрытый прямо в недостроенном храме стол — все это казалось бредом, но бредом последние годы было все, от взбесившихся людей до бросившего скипетр Ниалка. Сорок с лишним лет бреда — это слишком, но конец был очевиден и близок. Его оттягивали не из страха и даже не из ненависти к взбунтовавшейся глине, а по привычке. Драться до последней возможности, не складывать оружие, а упав, подниматься. Этому «звездных» учили всю жизнь, это и было их жизнью, которая принадлежала Небу и Царю, только Небеса молчали, а Ниалка вспоминать не хотелось. Царь свое получил, и в этом не было ни радости, ни горя, разве что извращенная справедливость. Отрекшийся владыка умер, и умер страшно. Некогда светлое царство, от которого он отрекся в надежде сохранить — нет, не жизнь, тогда ей ничего не грозило, — покой, еще билось в агонии.

— Ну и зачем я тебя привел? — Повеселевший Сонэрг отпихнул свой котел и опустил

на плечо Асона покрытую почетными татуировками ручищу. Человек рухнул бы на пол со сломанной ключицей, титан лишь поморщился:

— Откуда мне знать? Может, память?

— Может. — Второй ручищей кентавр подгреб к себе мозаичника. — Помнишь, как я уделал белоногого?

— Это ведь был твой первый венок? — переспросил мозаичник. — Я тогда здорово просалился...

— Не ты один! Давай ключ — выйду. Храм все-таки...

— Зачем? — не понял каллиграф. — Все равно завтра эти...

— Вот потому и выйду. Не хватало, чтобы тут скотство нашли!

— А... Все равно скажут...

— Скажут — да. — Сонэрг зло сощурился. Именно с таким взглядом он выходил на ристалище. — Только это будет враньем! Я согласен на любое вранье, но не на правду, которая понравится иклутам. Они вас ненавидят, но вы для них все еще боги. Извольте таковыми и сдохнуть!

* * *

— Пора, друзья. — Идакл оглядел смотревших на него воинов и твердо повторил: — Пора. Хватит тянуть. Весной на месте их проклятых лабиринтов зазеленеют оливковые рощи. Земля и воды должны давать, а не брать!

— Зачем торопиться? — Невкр, сводный брат вождя, обезоруживающе улыбнулся и подул на горячую, только с огня, лепешку. — Каждый лишний день — подкрепление для нас и отчаянье для них. Оливы смертны, но живут долго, что для них одна весна? Она ничто даже для нас, а мы свои годы, в отличие от белобрысых, считаем. Глупо позволять им забирать нас с собой.

— Ты ешь давай! — засмеялся вождь. Сегодня он ужинал у костров лекавионской фаланги. Значит, завтра лекавионцам выпадет самое трудное и самое почетное.

— Я ем. — Стратеги Идакла от простых воинов отличались лишь двойными плащами — алыми, скрывающими кровь, днем, белыми, указывающими путь, ночью. — Только у скольких из сидящих возле этого костра есть сыновья?

— Хорошо, если у трети, — негромко предположил Идакл. — Свобода — бог молодых, но ждать опасней, чем драться. Мы загнали титанов в нору и раздавили их гордость, но они могут опомниться. Или сойти с ума. И то и другое нам обойдется дороже штурма, ведь Линдеи даже не крепость. И не забывай: войску нужно есть, и есть хорошо. Земледельцы и пастухи и так отдают нам больше, чем могут, мы не вправе объедать их еще год. Война — это вытоптанные поля, необработанные сады, нерожденные дети... Сорок лет... Я старше большинства из вас, но и я не помню мира. Пора положить этому конец. Копейщик, с кем ты согласен? Со мной или с моим братом?

От неожиданности Тимезий вздрогнул. Он сражался с белобрысыми восьмой год и в свои двадцать пять по праву считался ветераном, но «говорить» с титанами было проще, чем отвечать вождю. Горло отчего-то перехватило, и этим воспользовался паршивец Клионт.

— У меня нет жены! — выпалил он и отчаянно покраснел. — Но у меня шестеро братьев. Младших... Если меня убьют, они останутся, и они... будут счастливы!

— И они, — очень серьезно подтвердил Идакл, — и тысячи, десятки тысяч других. Те, кто завтра умрет, умрут за них. И станут бессмертными. Память живущих и есть наш элизий! Иного вечного блаженства мы не ищем, да его и нет!

Я не раз говорил, что Линдеи должны быть разрушены, а Стурнон — сожжен. Мы для них ничтожные «иклуты», они для нас — мертвецы. Я говорил это, когда нас били, я говорил это, когда мы в первый раз устояли, я говорил это вчера у костров ионнейцев. Сейчас я говорю это вам. Впереди — победа. Окончательная. Истинная. Победив, мы, дети Времени,

братья Свободы, мужья Гордости, создадим свое царство, царство людей, в котором все будет зависеть от нас: ведь наши боги всегда с нами. Их не нужно отливать в бронзе и переводить на них мрамор. Плодоносящая олива — вот наш бог. Память, которую мы передадим сыновьям, — вот наш бог. Свобода и гордость, дети и любимые — вот наши боги. Мы не строим им капищ, мы носим их в сердцах.

Мы — пчелы Времени Всемогушего, нам отпущен малый срок, но падающие звезды, сгорая, вершат судьбы мира и указывают путь. Пусть каждый из нас не так уж и силен, но кто одолеет Рой? Мы собираем мед для своих детей, и не отжившим свое титанам встать на нашем пути. Готовьтесь к штурму, друзья. Первыми заговорят тараны кентавров, вторыми — ваши копыта и пращи. Постарайтесь как следует выспаться и не забывайте — наша сила в плече товарища. Держите строй. Не отрывайтесь друг от друга, не торопитесь, не опускайте щитов... Воин, а ведь я вспомнил твое имя. Ты — Тимезий, один из уцелевших у Ионнейского брода. Ты еще добыл у титана копье, оно с тобой?

— Я переделал его под свою руку...

— Он его не только переделал. — Полусотник Арминакт гордился успехами подчиненных сильнее, нежели собственными. — Наш Тимезий объяснил троим белокрысы, что их Время пришло.

Вождь удовлетворенно кивнул, Невкр вновь светло улыбнулся: на счету брата вождя было не меньше дюжины титанов, а Идакл, пока стратеги не запретили ему видеть бой иначе, чем со спины коняги, прикончил десятка два. Что в сравнении с этим трое ополченцев, пусть и выше тебя на две головы?

— Я еще не встречался с мечеглазами, — честно признал Тимезий.

— И еще ты не ответил на мой вопрос. — Идакл, в отличие от брата, почти никогда не улыбался. — Тебя опередил товарищ, но ты видел больше его. Присмотри за ним в бою. Пусть у матери останутся все сыновья. Все семеро.

На этот раз Клионт промолчал и даже уставился на свои сандалии. Тимезий ухватил мальчишку за ухо.

— Я так и так это делаю, вождь. И я согласен: Линдеи должны быть разрушены. Войну пора кончать.

* * *

— Любуешься? — Сонэрг соизволил заговорить, когда Асон напрочь забыл об уединившемся на заваленном строительным хламом дворе кентавре. — Иклуты так не построят...

Вышедший подышать «звездный» не ответил, зачем? Ночь, как назло, выдалась безоблачной, и Линдеи тонули в лунном молоке. Пустота и резкие черные тени превращали еще живой город в зависший на границе небытия призрак, но галереи, статуи, храмы существовали, и их следовало защищать. Если позволить людям пройти до самого Стурнона без боя, они заподозрят ловушку, и потом, не бросать же все это просто так! Молчание богов и слабость царя смыли со щитов их имена, но сами щиты остались.

Сзади совсем по-лошадиному вздохнул Сонэрг. Он тоже смотрел. Кентавров, тех, кто сохранил верность, в Линдеях не набралось бы и сотни, и Асон уже перестал понимать, почему они здесь. Прежде это казалось в порядке вещей: титаны — избранные Небом господа, кентавры, фавны и горгоны — их ближайшие и вернейшие слуги. Мир вспыхнул сухой соломой, горгоны вспомнили о крыльях, фавны попрятались, кентавры приняли сторону людей, а Сонэрг со товарищи наплевали на мятежных сородичей, и теперь те спят и видят переломать по новой традиции «отступникам» все ноги. Почему кентавры изменили, Асон понимал, почему изменили не все — нет.

— Сонэрг. — Гнедой прожил достаточно много, даже больше, чем Асон, вдруг сможет объяснить? — Почему ты здесь?

— Потому что пока не сдурел. — Могучая нога одним ударом разнесла в щепки пустой бочонок. — Справедливости им хочется, как же! Справедливость — это когда первый — первый, последний — последний, и все знают цену всем. Я на ристалище первый уже третью сотню лет. Не случись этой дури, еще б столько продержался. Ну а всяким одрам это поперек горла, только в первые им не выйти, вот и бесятся. Думают, я мешаю, а дело — в них. Я, может, завтра околею, только навоз навозом от этого быть не перестанет, так и с иклутами. Ну перебьют они вас, а дальше? Все равно в сорок останутся без зубов, в пятьдесят — без девчонок, а в семьдесят сдохнут. И чтобы я такое на спину сажал?!

Всадников на кентаврах Асон помнил. С них поражение и началось, с них и с того, что у людей появился вождь. «Звездный» невольно потянулся к мечу. Отдав Небу положенное и выслужив личный клинок, он не думал когда-нибудь вновь войти в здешний Лабиринт. Носитель звезды мог жениться, зажечь собственным очагом, иметь ребенка... Они с Интис хотели сына. То, что пришлось встать между святынями и низкорослым визгливым сбродом, до сих пор казалось невероятным. Циклопы, вернувшиеся из-за моря изгои, драконы, наконец, — это было бы понятно, но люди?!

— Я понял, почему ты не с ними. Только это не повод подышать с нами. Ты мог просто уйти. Фавны так и сделали.

— Эти?.. — Сонэрг смачно фыркнул. — Привалившиеся спиной к стволу оливы... Со свирелями и козлиными задницами. Тоже вымрут. Скоро и пакостно. Вот на это я бы глянул. И на тех дураков, кому вы глаза застите. Так застите, что собственного дерьма не разглядеть... Ничего, насладятся еще. Царство радости, счастье для всех... Тьфу! Видал я такое в садке со слюдяницами. Есть кого жрать, жрут. Нет — жрут друг друга, вот и считай: вам, бессмертным, конец, а тут — мы. Понравится иклутам, что полускотам по тысяче лет отмерено? Вы нам с одного бока наподдали, они с другого врежут, с завистливого. А назад их не загнать, разве что боги наконец зачешутся. Пошли выпьем, что ли.

— Иди.

— А ты?

— Я — в Стурнон, — внезапно решил Асон. — Вряд ли я завтра до него... доживу.

— Пить и в самом деле хватит, а дрыхнуть не выходит. — Сонэрг как-то странно протянул руку. — Влезай!

— На тебя? — Отречение Ниалка и то было не столь невозможным. — Верхом?!

— А то, Время тебя за уши! Хочу сбежать на ристалище... В одиночку — тошно, наши... те, кто не сдурел, не поймут, а тут — ты.

— Я не «краснорукий».

— А где те «краснорукие»? Лезь! А в Стурнон успеем!

Больше Асон не спорил. Безумная ночь требовала безумств и боялась пустоты, а на линдейском ристалище он провел не худшие часы. Сонэрг принял с места коротким галопом. В Лабиринте проживший в Линдеях чуть ли не всю свою жизнь кентавр разбирался не хуже жрецов и стражи. Мимо проносились громады зданий, белели ребра галерей, желтыми звездами вспыхивали костры или распахнутые двери. Послышался звон струн, женский — Всесоздатель, тут остались женщины! — голос запел хвалу вечерней звезде и утонул в цокоте копыт. Следующая песня за следующим поворотом была мужской и пьяной. Ее тоже надолго не хватило...

II

Справа от почти полной луны догоняли друг друга две звезды — красноватая и ласково-голубая. Смерть и Жизнь. Дочери Времени Всемогущего. Сестры никогда не ссорятся. Смерть берет то, что не может удержать в горстях Жизнь. Жизнь собирает то, что потом отдаст Смерти. Завтра они поделят пришедших к Линдеям, а пока здесь властвует луна. И мешает спать. Тимезий ткнулся лицом в верный мешок, но ни плотно прикрытые веки, ни потерявшая овчина не спасали от настырного светила. Копейщик сдался, перевернулся

на спину и открыл глаза.

Луну медленно рассекало узкое облако, единственное на небе. Выше звездные Кони рвались из рук Колеснического, в ногах его валялся никому не нужный Венец. Ночь перевалила за половину, но до рассвета было неблизко. Последняя ночь перед последним штурмом... Тимезий слишком хорошо знал титанов, чтобы не понимать: бой будет страшным. Сломать церемониальные ворота, пусть и замурованные, для коняг — игрушки, но дальше придется туго.

Стараясь не шуметь, человек вытащил копье и кусок козьей шкуры — протереть наконечник. Это хоть как-то отвлекало от лезущей в душу луны и неуместных перед схваткой мыслей, а жить хотелось все сильнее. Отчаянно, иступленно, как, наверное, никогда раньше. Клионт тоже не спал, но иначе. Мальчишка и так ждал штурма, словно совершеннолетия, а тут его еще Идакл заметил! Как же после такого завернуться в плащ и засопеть? Как вообще спать под такой луной?!

— Тимезий, — прошипело у самого уха, — ты чего не спишь?

— Не хочу. А вот некоторым не мешало бы...

— И я не хочу. — Клионт перешагнул через Матрея, зацепился за мешок и почти свалился у погасшего костра, чудом не отдавив ноги спящему Арминакту. — Какое оно у тебя все-таки...

— Такое, — усмехнулся копейщик, — только не больно-то хватай. Грани — хоть брейся!

— Сам не порежешься!.. Хорошо тебе, а моим плащ не сразу пробьешь... Слушай, ты белобрысого вместе со щитом к дереву прищипишь?

— Я тебе не коняга! Пробить панцирь сил, пожалуй, хватит, но лучше изловчиться руку или ногу подрезать... Ты Невкра спроси, он — лучший.

— Брата вождя?!

— А что? С Идаклом вы теперь приятели...

Замолчал. Думает... А луна все пляшет. По плащам спящих и мраморным восьмиугольным плитам. По краю разбитого фонтана, в былые годы поившего паломников. По наконечнику отложенного в сторону копья... Тимезий видел, как в руках опытных воинов-колесничих копья с такими наконечниками рубят людям руки и головы не хуже тяжелых секир, а при колющем ударе пробивают тела насквозь... Те, кто перемолол под Ионнеями две фаланги, наверняка теперь в Линдеях. За смешной стеной... За истончающейся ночью... В Лабиринте колесницам не развернуться, но мечеглазам они не нужны, да и «краснолапых» вряд ли всех выбили. Это только говорится «последний штурм», а после него еще добирать и добирать.

— Тимезий!

— Чего еще?

— А как ты у Ионней? Как ты того белобрысого?..

— А то ты не слышал! — Вспоминать о поражении перед боем — дурная примета. Перед боем вспоминают о победах, но... Но ведь ты, именно ты, тогда победил. Любой ценой выносить отбитые копья — приказ вождя. Прежде всего — оружие и раненые, а мертвые уже мертвы. Земля одна на всех, это титаны, пока могли, волокли покойников, что познатней, в свои некрополи, людям довольно памяти и победы.

— Расскажи... А то Арминакт всего не видел.

— Арминакт и не мог, он в это время пытался нашу полусотню к холму отвести... А получилось так — когда в первой же схватке удалось «краснолапного» прикончить, мы было решили, что белобрысые прыти-то поубавят, остановятся, мы их на топкое место и загоним. Только не срослось. То ли вел их кто другой, то ли все у них навыворот, но озверели они совсем и так врезали, что коняги наши и те сплеховали, да... Не все, но нам хватило. Я с краю стоял, ну кентавры нас, удирая, и задели, человек пять с ног сшибли. Меня тоже. Пока поднялся, фаланга отступила, а белобрысые уже близко... Хорошо, Пифар, вожак, последним шел, вот я ему на спину и сиганул. Коняги такого не любят, но тут не до ссор

было. Он за своими помчался, чтобы вернуть, ну а мне куда деваться, держусь. А тут белобрысый сбоку, и откуда только взялся?.. Меня в расчет не принял, на Пифара копьем нацелился. Ну, я с ходу со спины Пифаровой и прыгнул. Повезло, как раз в жизни везет, — мечом прямо в горло попал. Копье подхватил, Пифар ржет, довольный, сам меня на спину забросил и вперед.

— А меч, ну, который с камнем?

— Так то не мечеглаз был, обычный копейщик, таким длинный меч не положен. А даже и был бы — зачем он нужен...

— Я бы не бросил.

— Ты еще истукана с площади подбери! Ну выволок бы я эту красоту, а дальше что? Меч без своего мечеглаза хуже собаки без хозяина, та хотя бы сразу недохнет. Уж не знаю, как белобрысые это делают, только в чужих руках меч до первой крови живет, а дальше — все! Полклинка — в пыль, рукоять как из горна, а тебе — конец...

— Тогда еще больше надо... Ну, набрать таких мечей... Может, их переучить как-то можно. Кровь им свою для начала дать или еще что?

— А то без тебя никто не догадался! Нет уж, пусть сгинут вместе с хозяевами, а выплавлять железо не хуже мы научимся. Свое и по-своему!

— Тимезий?

— Ну?

— А почему они «краснолапые»?

— Наручи у них красные, — неохотно пояснил Тимезий, и дело было не в том, что не хотелось пугать мальчишку — Клионта нельзя было напугать. — Болтают, что первый «краснолапый» голыми руками разорвал кентавра в самом толстом месте. Царю белобрысых это понравилось, вот и стали лучшие мечеглазы «краснолапыми».

— Брехня! — убежденно объявил Клионт. — Кентавр — та же лошадь, а лошадь не разорвешь.

— Лошадь, может, и не разорвешь, — поддел проснувшийся Матрей. — А тебя — запросто!

— А вот и нет! Ты его раньше заколешь!

— Эй, — хрипло пообещал разбуженный Арминакт, — заткнулись бы, что ли. Я вам не «краснолапый», но как раздеру!

Клионт приснул первым, но полусотник с Матреем отстали ненамного.

* * *

Жрецов вывели еще вчера, но храмовый огонь горел, а в священном бассейне журчала вода. Асон чуть разжал пальцы, и зерна пшеницы тоненькой струйкой потекли в пламенную чашу. Обычная жертва воина перед битвой, но Асон принес еще и сорванные у входа мальвы. Плоды — Солнцу и Пламени, цветы — Луне и Воде... В память Интис, которую он назвал бы женой, не пойдя все прахом. Интис нашла иной алтарь. Кто-то шепнул, что Небо ждет настоящих жертв, и началось... Они это делали по доброй воле. Не все, разумеется, но делали. Женщины, старики, подростки убивали себя, чтобы те, кого они покидают, победили. Уцелевшие к тому времени старейшины не рискнули запретить жертвоприношения, возможно, тоже верили, что поможет. Не помогло...

Прощальные цветы тихо упали в священный бассейн, медленно, очень медленно закружились, отдаваясь от мраморной кромки. Война с людьми тоже была водоворотом: державу сносило к невидимому жерлу, но понимали это немногие. Ниалк их не слушал, а ведь можно было успеть... Выжечь, договориться, уйти, да что угодно, только не ждать грозы под деревом, заткнув уши. Время было — полыхнуло не сразу и не везде. Пока «звездные» гоняли иклотов по северо-восточным лесам, те ударили по земледельческому востоку. Ударили так, что вскоре спасать там стало нечего и некого. Первыми это поняли

горгоны и исчезли. Их осуждали, но не слишком: летунам было нечего защищать, и хорошо, что они просто убралась за море. Кентавры, те припомнили запрет на жизнь в двенадцати городах, лишение права на вход в храмы, скачки и бои, наконец... Обида слуг, слабость жрецов и старейшин, молчание Небес, они все и решили.

Асон окунул пальцы в воду, смочил виски и поднялся к древней алтарной плите, узоры на которой вырезали еще те, с кем говорило Небо. Принесший жертву мысленно перечисляет тех, за кого просит. «Звездный» пытался вспомнить нуждавшихся в его молитве и не мог. Они все ушли раньше — оказавшаяся в центре резни родня, погибший почти сразу наставник, Интис и ее мать... Асон был согласен умереть, сражаясь, но прижать к груди слюдяницу, чтобы кто-то услышал и ответил?! Наверное, Интис любила сильнее. Наверное — потому что он ее почти забыл, а ведь не прошло и двадцати лет!

Он забывал, гоня лезущие из всех щелей людские стаи и убивая. Стоя на месте и убивая. Отступая и убивая. Хуже всего пришлось в осажденных Ниннеях, городе тысячи лиловых колонн. «Звездные» смогли вырваться и оттуда. И снова схватки, одна страшней другой, и все впустую... Когда в строю осталась едва ли треть, а пробиться к столице не удалось, командир, последний «краснорукий» их отряда, решил идти в Линдеи — там Стурнон, Благодатный и Небоугодный. Его надо защищать, а жрецы скажут, что делать. Пошли... На полдороге, у Ионнейского брода, угодили в ловушку. Копье несшегося галопом кентавра пробило щит и бедро командира, а секиры людей, скопом накинувшихся на упавшего, довершили дело. Вспыхнувшая в уцелевших ярость позволила не просто прорвать окружение, а изрубить большую часть ненавистных иклотов в куски. Остатки врагов бежали, позволив титанам добраться до берегов Стурна.

Новости, которыми встретили Линдеи, убили и гордость от одержанной победы, и

надежду. Столица пала, когда они подходили к Ионнеям. Величайший из городов превратился в величайшую из могил — живых люди не оставляли. Теперь полчища двигались к Линдеям, а отступать было некуда. Кто-то, услышав такое, кинулся на меч, кто-то побрел куда глаза глядят, кто-то обрезал волосы и поднял паруса в надежде найти приют у извечных врагов. Асон не осуждал никого, но самоубийство, бегство и плен были ему равно отвратительны. Он остался в Линдеях ждать последнего боя и их, ждущих, было не так уж и мало. Достаточно, чтобы превратить знаменитый Лабиринт в еще одну могилу. На этот раз для иклутов.

Вечный ветер Стурнона больше не охлаждал виски — вода высохла, теперь мысли паломника известны Всесоздателю. Отцу богов. Небу, которое лишь смотрит. Что ж, пусть знает... Прощаясь, Асон коснулся алтарной плиты и вдруг осознал всем своим существом: он в самом деле в Стурноне. Пустом. Ночью. Один. И это конец Эпокарийского царства и конец титанов, пусть разбежавшиеся и протянут по разным углам еще не одну сотню лет.

Путь назад был недолог, но цветов в бассейне уже не было — водоворот не мешкал. Завтра, послезавтра, через неделю воды великого озера возьмут больше, много больше... От ворот Свитков до Стурнона паломники доходили за час, но они шли по цветам, а люди пойдут по собственным трупам. Ну и по трупам «звездных», разумеется.

Последняя ступенька. Лунный прямоугольник двери и черный силуэт на пороге. Сонэрг, и как же хорошо, что он здесь!

— Не думал, что ты станешь ждать.

— Не на своих же двоих тебе тащиться — рассвет на носу... И потом... Вот.

Гроздь черного винограда, незрелая, еще с листьями... Как же он пахнет, только что сорванный виноград!

— Отнеси туда... От меня и за всех наших.

— Но почему не ты сам?!

— Полускот, вошедший в освященный храм. — Сонэрг хохотнул и резко стукнул копытом о камень. Брызнули искры. — Да не в какой-нибудь, а в Стурнон! И «звездный» на карауле. Кому рассказать...

— Некому рассказывать. И мешать некому, нет там никого. Иди, я подожду.

— Не пойду! — Кентавр мотнул волосами, словно злющий жеребец — гривой. — Раньше, было дело, залезал. Служил тут один, за подсказку на ристалище не только полускота в храм пускал, сам бы кобылой стал... Я и требовал бочонок ниннейского, чтобы выпить у бассейна. Ничего, приволок, выпили... А сейчас иди ты!

— Да почему, приברי тебя Время?!

— А потому! Одно дело — дурачить жрецов, другое — лезть в Стурнон, когда все кувырком... Нет уж! Пока мне запрещали дураки, я на них плевал. Теперь запретить мне могу только я. И я запрещаю. Отнесешь?

...Бассейн принял виноградную гроздь, как часом раньше мальвы. Асон не отрывал взгляда от закружившей добычу воды до самого конца. Мысли о прошлом постепенно уходили, словно их вымывало из гудящей головы. Мысли о будущем приходить не желали, и понятно — будущего просто не было. Оставалось лишь осознание настоящего и места его, Асона, в этом настоящем: он — «звездный», и он будет защищать Линдеи и тех, кто не ушел. Просто будет, и все.

Часть вторая

I

Взошедшее солнце ударило в эгиду венчавшего колонну колосса, и Тимезий признал правоту вождя. Это надо снести. Пока над тобой высится золотой истукан, ярма с души не сбросишь, будь ты хоть сто раз победителем.

Таран мерно бил в ворота. Фаланга ждала своего часа в боевом строю, только копья пока упирались в землю, а щиты висели на своих ремнях. Ворота падут, и воины двинутся вперед извивами лабиринта, с каждым шагом приближая победу, с каждым шагом теряя своих... Тимезий завертел головой, всматриваясь в лица товарищей и встречая взгляды, повторявшие его собственный. Арминакт, Гистий, Матрей... Они не знали, не могли знать, кто дойдет до победы, кто хотя бы до берега Стурна, кто — ляжет у самых ворот. Умереть в последнем бою казалось особенно обидным, а ведь, было дело, Тимезий боялся умереть, отступая. Те, кто учил его, храброго, но неумелого, выживать и побеждать, почти все погибли, а он учился, и ему, кроме того, везло. Вот и смог дойти до этого гиблого места.

Хрустнуло — дышавший в затылок Клионт раздавил какой-то черепок. Орудующих тараном коняг с места, где стояла полусотня, было не разглядеть, и парень таращился на сверкающего истукана. Главный бог титанов. Небо, прекрасное и недостижимое. Бесплодное. Гордое. Неизменное и меняющееся. Что в сравнении с ним смертные муравьи? Все! Потому что изгой и бог изгоев Время оскопил надменного отца. Потому что дети Времени свободны и знают радость любви и победы. Пусть они смертны, зато они живут!

— Клионт! — окрикнул Тимезий. — Нашел куда смотреть...

— Что? — Дуралей не знал, что боги порой замечают и муравьев, а дожить хотелось. Дожить и увидеть то, за что не жаль сдохнуть, но лучше все-таки уцелеть.

— Ничего. Двинемся — от меня ни шагу. Понял?

Клионт кивнул и опять запрокинул голову. Пришлось врезать по курчавому теплому затылку.

— Сказано, не смотри! Вот когда вернемся...

— Ладно тебе. — Мальчишка широко улыбнулся, он не умел злиться на своих. — Здорово же! Надо вместо этой дуры наверх что-то затащить... Или огонь зажечь, чтоб как в порту, только больше. Пусть горит и не гаснет...

— Ишь ты! — присвистнул Арминакт. — Чтоб не гас, значит? А хворост наверх кто таскать будет?

Клионт насупился и притих. Придумывает какую-нибудь корзину на веревках или еще чего-нибудь. А маяк, как его ни назови, и правда не помешает. Оливы и огонь, Жизнь и Смерть, что волею Времени Всемогущего владеют всем, кроме душ человеческих.

— Хватит зевать! — Арминакт привычно перехватил копье. — Коняги свое отколотили, дело за нами.

* * *

Асон не видел, как погибал Сонэрг. Может, он еще и не погиб, но сердце словно бы сжало за мгновение до того, как сигнальные гонги принесли весть: враг на площади Свитков. С таранами управлялись кентавры, и они же первыми устремлялись в пробитую брешь. Разгоряченных, осыпанных каменной крошкой отступников встречали сохранившие верность. Битвы кентавров были страшны даже на ристалище, недаром туда пускали лишь совершеннолетних мужчин, что уж говорить про нынешние схватки, где конская ярость сплелась с человеческой ненавистью, а ненавидят люди лучше других. Ненависть начинается там, где кончается вечность, вот она и началась.

«Звездный» сидел на мраморной глыбе, которой так и не стать колонной. Щурился на солнце. Слушал растекающийся по улицам глухой рев. Ждал. В Лабиринте кентаврам-чужакам придется плохо. Таранщиков людскому вожажу не сдержат, но когда они лягут, вперед пойдут люди. Этих встретит ополчение. И не остановит. Ополченцы вправе отступать без приказа, они и отступят. Люди бросятся следом, растекаясь по Лабиринту, теряя строй, забираясь все глубже и глубже... Кто-то упадет у недостроенных храмов, кто-то найдет конец у ристалища, кто-то прорвется к озеру... Сонэргу следовало находиться там, но он пошел к воротам. «Я не желаю видеть иклотов в Линдеях и не увижу. Пока я жив, они не

пройдут, когда они пройдут, не будет меня...» Гнедой знал, чем скоро станет Стурнон, и все равно сделал по-своему. «Стены Линдей святы...» Стены ли?

Родись Асон четвероногим, он бы дрался рядом с Сонэргом, но «звездные» будут исполнять приказы, хотя бы рушилось небо, а последний приказ был прост, понятен и не вызывал сомнений. Глупо умирать, забрав с собой десяток, если можешь забрать сотню, а повезет, так и больше.

— Все.

— Да, это уже не кентавры...

Люди тоже в бою кричат, но их крики после яростных хриплых визгов — почти тишина. Тишина, которая приближается, а перед ней прибоем катится стук копыт. Вот и они... Шестеро. В мыле и крови, но, кажется, не ранены. Сонэрга нет, а спрашивать — дурная примета. Отвечать, впрочем, тоже. Значит, просто встать и поднять руку.

— Уходящие в бой приветствуют вас.

— Мы к Стурнону, — кидает на бегу рыжий белоногий бородач. — Мы все помним.

— Мы скажем и за вас, — добавляет еще один, молодой и златокудрый. Асон видел его на ристалище. Или не его?

— Вы за нас, — подтверждает «звездный», но он, Асон, еще и за Сонэрга, Интис, троих вчерашних чудаков... За кружащие в бассейне цветы и огонь, который хотят погасить.

Снова гонги: ополченцы, удерживавшие Хранилища, просят помощи. Они продержались даже дольше, чем требовалось, но ремесленник или художник, пусть и в лучшем панцире, все равно не воин. Асон привычно коснулся меча, пробуждая заключенную в рукояти «звезду». В глубине полированного камня вспыхнул малиновый огонек, почти невидимый в солнечных лучах. Почему его «звезда» горит малиновым? Почему о таком задумываешься тогда, когда не остается времени ни на что?

— Половина — к недостроенным храмам, — велит начальник, пробуждая уже свой меч. — Остальные — здесь.

Половина «звездных»! Как звучит, если не пересчитывать...

II

Линдеи на памяти Тимезия были не первым взятым городом, но в опутавшем храмы лабиринте копеещик чувствовал себя юнцом почище Клионта. Пауки, те свою паутину знали, но гостям, да еще столь нежеланным, приходилось плохо. Белобрысы выскакивали из узеньких боковых улочек, прыгали с крыш, вылезали из вовсе непонятных укрытий и убивали, убивали, убивали, чтобы вновь исчезнуть в проклятом Временем лабиринте. То есть пытались исчезнуть, но удавалось это не всем и не всегда: люди умели учиться.

— Это последний бой, друзья! — не поймешь в который раз крикнул оказавшийся рядом Невкр. — Несколько часов, и — все... Победа!

Последний, но как же обидно за тех, кто уже не дожил... Упал Гелитат, и тут же — на него — Гистий. Отшатнулся, ткнулся лицом в трижды проклятый линдейский мрамор Детий. То ли ранен, то ли мертв. Последний бой... Последний! Платить дюжиной своих за одного титана горько, только что поделаешь — здесь по-другому быть не может.

Навстречу прохромал серый кентавр; он припадал на заднюю ногу, как обозная кляча, и то выл в голос, то ругался последними словами. Потом упал на бок, тоже по-лошадиному, и забил ногами. В боку торчал обломок стрелы, рана казалась совсем легкой...

— Не лезть внутрь! Улицы... Пока только улицы! — Другой кентавр, на нем — воин в плаще сотника.

— Только улицы, — подхватывает Арминакт. — В храмы не лезть — змеи... Только жечь!

Змеи! Их Тимезий боялся с детства. Больше стрел и клинков. Больше подползавших к самой деревне крокодилов.

— Гады, — топает ногой Клионт. — Гады прячутся за гадов! Но это же... Это...

— Это титаны! — зло бросает Тимезий, обходя затихшую тушу. Их полусотня вступала в город пятой, а теперь они идут первыми. Была лекавионская фаланга, осталось... Мало осталось, но золотой истукан не будет унижать людей, хватит!

Топот, яростный боевой визг сзади. Отскочить к стене, оттолкнуть дурака Клионта. Ну и что, что свои?! В бою коняги дуреют! Хриплый крик, ругань. Так и есть, кого-то зашиб! Гигантский гнедой кентавр даже не оборачивается на сбитого, заносит копьё! Кто-то еще успевает заорать о предательстве.

Арминакт. Теперь еще и Арминакт!.. Гнедая смерть издевательски хохочет и исчезает в очередном отнорке. С крыш свистят стрелы, две находят свою цель...

— Вперед, Лекавион! Этот бой... последний! Вперед!..

Невкр уже без шлема, красный плащ мечется языком еще не вспыхнувшего пламени, зовет, приказывает, умоляет. Те, кто шагает рядом, — почти все чужие... Конец полусотнику, конец полусотне. Конец?! Они с Матреем живы! И мальчишка Клионт жив.

— Вперед, друзья, впе...

Ярость разгоралась с каждой новой потерей, потому они и кинулись на вынырнувшую из дыма блестящую троицу. Тимезий бежал первым, по сторонам не смотрел. Не смотрел и вверх...

— Вверху... зий!!!

— Стой!

Запоздавшее предупреждена заглушил треск валящихся глыб.

Товарищи остались позади, за мигом перекрывшим проулок завалом, но Клионт каким-то чудом проскочил сквозь камнепад и встал рядом. А впереди... Белобрысые. Трое. В своих проклятых панцирях, с гигантскими двухлезвийными секирами. Все преимущества за ними, но твари медлят... Растерялись?!

Чутье выжившего в десятках схваток воина бросило Тимезия к высившимся у золоченой оградки врагам. Копье с тяжелым, чужого металла наконечником змеей скользнуло мимо выставленной вперед секиры и с хрустом проломило панцирь. Скривилось не скрытое полумаской шлема надменное лицо... Точно так же открылся рот у прибитого к стене Арминакта. Точно так же!

Умиравший осел у ног торчащих столбами соплеменников. За плечом торжествующе завопил Клионт, а эти двое... Время Всемогущее — трусили! Швырнули свои секиры, повернулись и огромными шагами понеслись назад, туда, где в просвете между стен виднелась какая-то площадь. И еще что-то большое, с колоннами, на другом ее краю.

* * *

Асон даже не успел устать, он только разогрелся. Сначала бой у Хранилища, потом суматошная схватка на Фонтанной площади, несколько стычек с заплутавшими в незнакомых переходах сворами. Перед давешним храмом пришлось отбиваться от пары вконец обнаглевших кентавров, решивших, что справятся с одиноким мечником в ближнем бою. Не справились, конечно...

Пока все шло сносно, то есть сносно для тех, кто думает лишь о деле и живет единым мигом. «Звездные» большего и не хотели. Один Асон к полудню взял дюжины две иклутов, а бой еще даже не выплеснулся к ристалищу.

— Жив? Наших не видел?

Сосед из третьей сотни. Носитель бирюзовой звезды. Был весельчаком. Когда-то.

— Видел. Отходили к водосборникам.

— Сколько?

— Было... было девять!

— Спасибо... А я вот ваших не видел. Порадовать нечем. Как и огорчить.

Храм — нараспашку, наверняка после вчерашнего осталось и вино, и вода, а пить

хочется! Всесоздатель, только этого и хочется!

— Проверьте, что там, — чужой десятник, пробегая, устало тычет мечом влево, — а мы — к перешейку! Гоните туда всех. Всех! Хватит тут...

* * *

— Клионт, стой! Стой, кому говорят, одному опасно...

Проклятое копье удалось выдернуть из туши белобрысого лишь с третьего раза. Вот ведь тварь мясистая!.. И ты хорош, нечего было так стараться! Подсек бы ноги, и хватит, небось не коняга, чтоб одним ударом — насквозь, а теперь поди догони!

Несколько лишних мгновений, всего ничего, но приятели убитого почти доскакали до угла. Захлебывающийся от восторга Клионт неся следом, потрясая своим копьем. Дурак напрочь забыл про осторожность, и все же... Тимезий даже замер на пару ударов сердца, уж больно зрелище радовало душу: здоровяки-титаны, побросав оружие, удирают от одного — одного! — человеческого юнца, не достающего им и до плеча.

— Стой, осёл!

Мчится вперед, будто глухой! А кто бы на его месте слушал? Уж не ты ли?!

Копейщик торопливо оглянулся и с досады сплюнул. Улицы за спиной не было. Пара горящих домов, не вовремя рухнувшие истуканы, и они с мальчишкой оказались вдвоем в этой треклятой паутине, отрезанные от своих камнем и огнем. Невкр сейчас ищет путь в обход пожаров, а это непросто. Лучше выждать или пойти на шум, да куда там! Бегущие уже огибают рогатый выступ, ищи потом!..

— Клионт!!! Вот мелочь глухая...

Здоровенное блестящее тело лежит на пути, словно пытаясь загородить дорогу. Нога встает на божественного титана, словно на зарезанную свинью. Вот и лежи... сын Неба. Трус, а два других труса уже скрылись из виду.

— У-лю-лю! — вопит Клионт и тоже исчезает. — У-лю-лю!.. Бей белобрысых!..

* * *

Асон расстался с «бирюзовым» на крыше прилегающего к площади дома. Вдвоем было бы лучше, но раз приказано проверить... Сосед кивнул и помчался верхами к водосборникам, Асон, прыгая с крыши на крышу, рванул к соседней площади. Она была пуста — ни врагов, ни своих, желтые ромбовидные плиты блестели, словно их подмели заботливые фавны. Титан спрыгнул вниз и пошел вдоль стены, вслушиваясь в отдаленный гул, из которого вдруг вырвался топот и вопль... Боевой клич иклотов. Ну хорошо же...

Шаг в нишу, за увенчанный каменной вазой столб. Из чаши спадают плети настурций, кружат равнодушные, как само небо, пчелы. Топот все громче. Топот и какое-то бряканье. Двое или трое. Не больше. Значит, эта ваза не последнее, что ты увидишь, а вот и они...

Двое выскакивают из-за угла. Ополченцы. Безоружные, с одуревшими лицами и устремленными в никуда остекленевшими взглядами, они проносятся мимо. Своих ночных собеседников Асон узнал сразу: похоже, бедняга каллиграф уже погиб, но мозаичник с поэтом еще поживут. Немного.

Бегом через площадь навстречу иклутскому визгу. Теперь беглецы за твоей спиной, крикнуть бы им... Не пойдут, а себя раньше времени выдашь.

— У-лю-лю-ю-ю!..

Первый преследователь уже на площади. Одиночка с копьем. Ни на мгновение не задержавшись, кидается на нового врага. Одиночка — это странно, до сих пор меньше чем десятками иклуты не бегали. Мысль эта пришла уже потом, а сначала «звездный» просто сделал шаг навстречу и ударил. Быстро и точно, как делал многие тысячи раз. Звякнуло о

плиты выпавшее из руки человека копье, и сам он, с разрубленным боком, рухнул следом.

* * *

Звонкое «у-лю-лю», с которым малыш гнал белобрысых, оборвалось. Это еще ничего не значило, совсем ничего, но Тимезий побежал быстрее, проклиная жирного титана и собственную нерасторопность. Рогатый угол приближался чудовищно медленно, но человек его все же обогнул. И увидел.

Клионт скорчился на плитах отвратительно-желтого цвета. Темное пятно, быстро растекавшееся под телом, не оставляло места надежде — если кровь так хлещет, все ясно. Убийца стоял тут же. Один из тех двоих, он больше не думал убегать. Крупный, надменный, в блестящем панцире и шлеме. Тварь, подстерег за углом и ударил, ах ты...

Ненависть швырнула Тимезия вперед, но совсем сознание она все-таки не затмила. И когда титан одним коротким движением перекинул из-за спины на левую руку овальный щит, а правой вскинул меч — проклятье, у него не секира, а меч! — человек успел среагировать. Ноги сами унесли тело вправо, подальше от смертоносного клинка.

Время Всемогущее, попался! Кем бы ни были те трусы, но этот... Навершие длинного меча полыхнуло малиновым, без слов сообщая, с кем Тимезия столкнула судьба. Шансов в поединке не было, это человек понял сразу. И простые титаны сильнее и быстрее людей, так захотели дурные боги, а уж мечеглазы! Что сделает бывший погонщик верзиле, начавшему убивать, когда Тимезия еще не было на свете?

Бежать? Бесполезно — догонит, и десяти шагов не сделаешь. Значит, драться! Драться и тянуть время. Если подоспеет Невкр, они управятся. И не таких страшил брали...

Стоит, молчит, а с меча капает кровь Клионта. Теперь у матери осталось шестеро, а этот стоит и любит... Ведь проиграл, проиграл же, вот и тянет за собой живое, свободное, юное. Ну что, тварь? Думаешь, твоя взяла? Думаешь, убьешь? Может, и убьешь, но тебе тоже конец, не сейчас, так к вечеру...

* * *

Второй оказался умнее и, похоже, опытнее. Почувствовал опасность, успел прятнуть в сторону. Замер, расставив ноги, — оценивает... Ну и мы оценим. Для человека — высок, всего на полторы головы ниже титана. Широкие плечи, сносные мускулы... Доспех из простеганной холстины, на бедре короткий меч. Иклутская работа, таким только горло упавшим перерезать, зато копье! Древко паршивое, а вот наконечник знакомый. Широкий, зеленовато-золотистый, похожий на лист лилии. Трофей, значит, приспособил. И наконечник, и древко под ним — в алых пятнах. Кровь бедняги-каллиграфа? Другого ополченца?

Убить «звездного» будет потруднее, а, недомерок? Как просто резать тех, кто строил, пел, лечил. Как просто косить траву, а ты сруби громовое дерево. Своим поганым иклутским топором сруби!

Шаг вперед. Зов «звезды» успокаивает, помогая собраться. Воин без меча порой живет долго, меч без воина — до первой крови... Жаль «звезду», почти так же, как Стурнон, как мозаики, которых никогда не будет. Жаль?! Нет, мы еще живы!

А парень соображает. Не бросился бежать, понял, что глупо. Закружил влево, за щит, копье наготове. Хочет удержать на расстоянии, выиграть время, а там набегут остальные, возьмут в кольцо. Да, иклут, ты, сразу видно, прошел не один бой. Все делаешь правильно, но и сам ведь понимаешь, что это бесполезно. Ты молишься Времени? Время тебя и предаст!

* * *

Тимезий попробовал «танцевать», поводя копьём и угрожая сразу и уколom в горло, и секущим ударом по ногам. Если повезет, мечеглаз промешкает. Вбок, еще вбок... Золото бликов, злой малиновый луч, стук сердца. Конец? Если и так, то лишь твой. Невкр скоро будет здесь, Невкр и фаланга... Назад, чуть вперед, опять назад. Бережет ноги? Тогда на волосок вперед и сразу отступить. Влево. Пусть взглянет в глаза солнцу. Сперва солнцу, потом — смерти. Только бы продержаться! Перейти эту площадь, дойти до озера...

Не вышло. Мечеглаз тянуть не стал. Мгновенно, одним шагом, сократив расстояние, он краем щита отбил в сторону наконечник копья и обрушил на человека смертельный удар. Отскочить Тимезий не успел, но в последнее мгновение кувыркнулся в сторону и вниз, лезвие с тонким свистом пронеслось над самой макушкой. А вот подняться на ноги уже не удалось — проклятый титан развернулся гораздо быстрее. Стоящий на одном колене Тимезий даже не пытался уклониться от падающего ему на голову клинка, вместо этого он ударил сам, надеясь достать врага в бедро. Надежда оказалась тщетной — мечеглаз словно того и ждал. Он лишь немного качнулся, и золотистый тяжелый листок, предав человека, ударил мимо. Все... Проклятье... Но другие будут жить! Счастливо. Долго... Будут...

* * *

Каллиграф может спать средь лазурных небесных маков. Его кровь смыта, и не только его, но держался иклут неплохо. А, пустое... Это все уже неважно. Теперь вперед, пока на площадь не вывалилась отставшая толпа. Теперь все просто. Пока есть силы, он будет убивать, силы иссякнут — умрет! Пусть остальные отходят, он останется здесь, у недостроенного храма, в который его вчера занесло. Думать поздно. И искать виноватых. Так вышло, так выпал жребий... Топот за спиной. Кентавр, только чей?

— Нашелся! Нашелся, морда твоя «звездная»!

— Ты кого-то потерял, Сонэрг?

— Тебя и этих... Думал вытащить хоть до вечера... Не идут, а старину Эрсана убили... Каллиграфа... Где-то здесь.

— Я так и подумал. Похоже, вот этот и убил. Слышишь? Кажется, пролезли...

Приятели покойной парочки? Другие? Неважно. Они идут сюда. Идут умирать.

— Встретим-ка их у колонн, «звездный». Там удобней.

Бегом, положив руку на лоснящуюся гнедую спину. Так он бегал в школе воинов. Так он бегал в восточных горах, так бежит сегодня, в свой главный день. Почему он почти счастлив? Потому что жив? Потому что отомстил за нелепого, от безысходности влезшего в панцирь бедолагу? Потому что рядом друг? А может, дети Неба просто не могут умирать в страхе и боли, пока светит солнце и горит их «звезда»?

— Забыл вчера спросить, ты не из Нинней?

— Нет. Я с востока, а что?

— Ничего... Уже ничего.

Вот они, иклуты, прут навстречу. Сомкнули щиты, два ряда копий уставились прямо в глаза. По давно заведенной привычке бросить взгляд на «звезду», прося немного удачи, перемигнуться с посланным Небом другом, и вперед!

— Пожалуй, эти, слева, не слишком уверены в себе, а, «звездный»? Копья в ручонках дрожмя дрожат. С них и начнем?

— Да, Сонэрг. С них.

Двое еще не побежденных. Сотня еще не победителей. Два десятка шагов до смерти. До победы. До вечности. А боги смотрят. Они могут так мало, эти боги. Только зажечь звезды в душах и смотреть в огонь.

